

УДК 316.485.25 + 355.01 + 340.1

А. В. Логинов

ОПРАВДАНИЕ ВОЙНЫ: ДЕБАТЫ О ЛЕГИТИМНОСТИ*

В статье на материале англо-американской политической философии (М. Уолцер, Д. Любан, Б. Оренд) рассматриваются условия, при которых война может быть морально оправданной. В начале работы показано, что, в отличие от юридических оснований допустимости войны (Конвенции и Устав ООН), нормативная политическая теория вводит в качестве критерия *jus ad bellum* потерю легитимности государством, для чего понятие «суверенитет государства» переосмысливается в русле контрактualизма. Далее рассматриваются признаки нелегитимности и утверждается, что в современных современных обществах нарушение базовых прав граждан как универсальный для контрактualизма признак потери согласия должен быть плюрализован и сбалансирован дополнительными критериями. В заключительном разделе статьи автор защищает тезис об укорененности любой нормативной теории в историческом контексте и формулирует гипотезу о том, что плюрализация критериев нелегитимности может быть достигнута за счет конкретно-исторических исследований практик легитимации и позиций интеллектуалов, включая представителей социальных наук, по отношению к институтам власти и социальному порядку.

К л ю ч е в ы е с л о в а: война, *jus ad bellum*, справедливость, суверенитет, права человека, согласие, контракт, легитимность, интеллектуалы, идеология.

На первых страницах первого номера нового журнала Уральского федерального университета «Changing Societies and Personalities» известный и признанный ученый, возглавляющий сегодня Лабораторию сравнительных социальных исследований в НИУ ВШЭ (Москва), профессор Р. Инглхарт, дает свое понимание базовых вызовов современного общества и той роли, которую должны играть специалисты в области общественных наук. Инглхарт утверждает, что таковыми вызовами являются войны и неравенство в доходах. В первом случае роль социальных ученых¹ состоит в том, чтобы донести до политических лидеров подтвержденную конкретными эмпирическими расчетами идею, что война (в современном мире) абсолютно иррациональна по своим причинам, поскольку «...в терминах экономического анализа (соотношение затрат и дивидендов) война между двумя развитыми странами бессмысленна: затраты неминуемо и в значительной степени перевесят то, что можно получить как “дивиденд” от войны» [16, 13]. Инглхарт справедливо отмечает, что политические лидеры не всегда поступают рационально; эмпирический факт, по его мнению, состоит в том, что никто не выиграл в результате Первую мировую войну, а Западная Германия, потерявшая половину территории и отказавшаяся от имперских амбиций, за счет развития производства достигла большего в плане улучшения благосостояния своих граждан, чем когда либо ранее и чем можно было бы обоснованно ожидать от предполагаемого дележа территории Советского Союза

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

¹ В дальнейшем в статье речь пойдет об интеллектуалах в целом; представители социальных наук в этом случае будут частью институализированных интеллектуалов — людей, занимающихся интеллектуальной рефлексией в рамках научных дисциплин либо общественных институтов.

в случае ее гипотетической победы во Второй мировой войне. Политические лидеры, по Инглхарту, «не слышат» ученых: перед Первой мировой войной Р. Н. Энджел уже доказывал, что война, например за территорию как ресурс развития, просто не имеет смысла в индустриальном обществе, где большего можно достичь за счет улучшения технологий производства. В современном нам мире, с 1974 г. с осторожностью называемом постиндустриальным [12], технологии вообще отрываются от территории, понятой как физическое пространство. Размышляя о второй проблеме современных обществ, Инглхарт отмечает разницу между воспроизведением автомобилей и производством технологий: у Б. Гейтса и М. Цукерберга создание продукта не требует определенного физического пространства и большого количества рабочих мест (в отличие от производства на градообразующих предприятиях эпохи индустриализма), а простое копирование результатов их интеллектуального прорыва (софт-продукта) не стоит почти ничего. Отсюда и рост неравенства, когда большая часть дохода, полученного за счет повсеместного внедрения полученного продукта (копий), идет теперь очень малой группе людей, имеющих на продукт (копии) права. Следовательно, вторая задача специалистов в области социальных наук состоит в том, чтобы разработать модель (модели) редистрибуции благ и конкретные программы поддержки секторов экономики услуг, которые улучшают жизнь социального целого, то есть максимально большего количества людей [16, 14–16]. Что это такое социальное целое с точки зрения долга и почему во внимание следует принимать интересы тех, кто имеет мало благ при сложившемся распределении? Определенно, это вопросы из области моральной и политической философии, и к размышлениям о том, скрывается ли за редистрибуцией некоторая интеллектуальная работа по ее оправданию, я намерен обратиться позже.

Сейчас предлагаю вернуться к первой проблеме и поставить вопрос иначе: является ли экономическая эффективность необходимым и достаточным критерием при решении вопроса об оправдании войны или можно допустить случаи, когда войну следует признать оправданной, даже если она противоречит логике (экономической) прибыли? Вопрос не в том, стоит или не стоит начинать войну из-за территории (ведь в рамках той же логики экономической эффективности война за территорию столетия назад и даже сейчас может иметь смысл, территория может быть как реальным (ресурсы, пространство, логистика), так и символическим капиталом [19]), а в том, какие условия должны выполняться, чтобы война могла бы быть оправдана (признана справедливой) с точки зрения некоторых базовых моральных установок самих людей. И в этой связи каким именно образом формирование набора критериев справедливой войны, а также их проверка на соответствие моральным интуициям связаны с деятельностью интеллектуала/ученого в обществе?

Для решения этой задачи нам нужно определиться с подходами². Война со времен пакта Бриана — Келлога (1928) классифицируется как незаконное

² Справедливая война — предмет целого ряда исследований в англо-американской политической философии, классическим трудом считается книга М. Уолцера «О справедливых и несправедливых войнах» 1977 г. [22], см. также работу Б. Орендта [20]. Среди работ отечественных авторов, принимающих указанную исследовательскую повестку во внимание, следует отметить статью Р. Г. Апресяна [1], сборник под редакцией Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна [8], статью Б. Н. Кашникова [3].

(нарушающая условия пакта) действие, а с момента принятия соответствующей конвенции Организацией Объединенных Наций (1974) военные действия среди прочих незаконных действий государств специфицируются за счет использования вооруженной агрессии: «Агрессия есть применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориального единства или политической независимости другого государства либо любым другим образом, несовместимым с целями Устава Организации Объединенных Наций» [18, 28–29; 9]. Казалось бы, вслед за ООН несправедливой следует признать такую войну, которая нарушает суверенность государства. Война несправедлива (это вооруженная агрессия против суверенитета государства), но, поскольку статьи Устава подразумевают, что ничто не должно принижать права индивида или общности на самозащиту в случае, если вооруженная агрессия по отношению к ним уже произошла, война справедлива только тогда, когда это самозащита. То есть на самом деле речь идет о допустимости или недопустимости войны, в меньшей степени — о ее справедливости, поскольку на уровне моральных интуиций можно предположить моральное оправдание «права на войну» и моральное же неоправдание «сопротивления».

Как кажется, дело заключается в уровне рассмотрения проблемы, — ООН имеет дело с государствами, и долг государств не вмешиваться в дела других (государств), поскольку они суверенны, то есть самоуправляются. Акцент на государстве как субъекте международного права имел вполне прагматические причины, отмечает Д. Любан [17, 162–163]: после Первой и Второй мировых войн концепт «суверенитет государства» должен был сдерживать любую потенциальную возможность эскалации конфликтов. И именно здесь исследователями фиксируется расхождение юридического понимания проблемы с тем, как видит суть дела нормативная политическая теория, согласно которой «...война всегда предполагает наличие моральных категорий» [14, 238].

Дефиниции ООН с точки зрения нормативного подхода нечувствительны к легитимности государства и политического режима (политический режим — формула назначения людей на влиятельные посты, институт существует через свой режим): «Концепт суверенитета морально недееспособен не потому, что применим к нелегитимным режимам, а потому, что он нечувствителен к полному пониманию легитимности» [17, 166].

Но означает ли это, что именно государство обладает той самой суверенностью? И может ли государство быть любым (с точки зрения легитимности), чтобы его существование как целостность защищало международное право? Поскольку «война государств» — это в конечном счете война людей, то «права» государств (как институтов) на войну и «защиту» суть набор делегированных прав, то есть таких прав, что выводимы из прав самих людей и вторичны по отношению к ним; следовательно, моральная интуиция состоит в том, что только легитимные государства обладают такими правами (на войну и защиту).

Легитимность же предполагает согласие объединенных в общность людей с тем, что происходит и как это происходит. Данное согласие (контракт) может быть эксплицитно выражено либо молчаливо подразумеваться самим фактом того, что люди живут той жизнью, которой живут, и нет видимых причин думать,

что они ею недовольны: «В течение длительного времени разделяемый опыт и совместная деятельность разного рода формируют общую повседневность людей. “Контракт” — это метафора для процесса объединения и взаимодействия», — утверждает М. Уолцер [22, 54]. В истории политической философии можно обнаружить две версии такого контракта, которые вслед за Х. Арендт называют «горизонтальным» и «вертикальным» контрактами. В первом случае контракт — это согласие людей на то, чтобы жить сообща вне и до государственных форм (договорная концепция происхождения государства Д. Локка), при том что само государство будет «продолжением» общества, еще одним его институтом (суверен — народ). Вертикальный же контракт имеет место, когда люди делегируют суверенность «наверх» (вариант Т. Гоббса).

Англо-американская политическая теория, как кажется, последовательно придерживается версии Локка как логического условия любых других версий: у государства права есть только потому, что ему их делегируют уже объединенные в общность индивиды, общность же имеет «права» только как производные от прав индивидов, общность составляющих. Народ (нация, понята как политическая общность) — «более-менее постоянный базис любого государства, что управляет ей» [17, 169], поэтому государство (как носитель специфических или привилегированных прав, делегированных в том числе и через «вертикальный» контракт — например, право на применение силы) будет легитимно только при согласии людей.

Конечно, вопрос о соотношении и взаимодействии государства и общества формирует отдельную повестку исследований в рамках философии права, и, например, тот же М. Уолцер часто подвергался критике за то, что в своих работах он «...имплицитно ассоциирует государство с правительством и одновременно с политической общностью, которая не всегда равна правительству» [13, 9]. Мы могли бы также подчеркнуть, что во многих развивающихся странах, к примеру Африки, границы государств могут вообще не совпадать ни с политически, ни даже с этнически понятой нацией, а во многих современных мультикультурных обществах Европы ассоциативная связь между нацией и государством как минимум ослабляется. И, я полагаю, механизм легитимации политических решений в такого рода обществах может быть непривычно сложным, например, представлять собой институционально закрепленную формулу последовательно реализуемых этапов общественных и экспертных обсуждений. Тем не менее базовым тезисом классической нормативной политической теории остается тезис о том, что между общностью людей (нацией, гражданами и т. п.) и государством (в форме правительства, которому делегирован ряд особых прав через «контракт») должно быть сущностное соотношение, иначе юридическая сторона вопроса о войнах (уровень Устава и конвенции ООН) редуцируется к нарушению прав институтов и теряет «человеческий» смысл.

Итак, что удостоверяет, что «вертикальный» контракт легитимен? Согласие людей. Государство, не основанное на согласии, нелегитимно. Но как установить отсутствие согласия? Ведь сам факт существования нации (народа) не является существенным свидетельством легитимности государства, иначе бы она

распространялась на любой его (легальный) тип. Более того, признание нелегитимных государств может быть вполне разумно с точки зрения международных отношений, но необязательно *морально* в свете нормативной теории. Задача предложить и обосновать приоритет нормативной оптики рассмотрения межгосударственных и внутригосударственных отношений мне кажется достойным вызовом, в том числе современным интеллектуалам.

И здесь, полагаю, вполне можно следовать логике «процедурного либерализма», когда концепт «права человека» насыщается и содержательным, и «процедурным» значением. По аналогии с Д. Ролзом, оставившим у индивидов, выбирающих принципы справедливости за завесой неведения универсальное представление о первичных благах (так называемая «тонкая теория блага») [4], Д. Любан, например, предлагает разграничить «базовые» и «другие» права людей. «Базовые» (основные) права человека универсальны по сфере охвата. Это такие права, при которых бенефициары — все люди, и все люди должны эти права соблюдать³; эти права первичны с точки зрения логического следования: именно реализация «базовых» прав — средство удовлетворения (приобретения) «других» прав человеком [17, 174]. Это так называемый разумно признаваемый всеми минимум: право на жизнь, свободу от гонений, здоровую окружающую среду и адекватный уровень жизни. «Другие» права человека — те, которыми он может воспользоваться, если соблюдены первичные права.

Следовательно, мы получаем критерий справедливой войны: это война либо за сохранение «базовых» прав, либо против агрессии, направленной на существенное ухудшение «базовых» прав (людей)⁴.

Как кажется, такое понимание справедливой войны дает возможность избежать «сравнения несравнимого», когда, например, на одной чаше весов оказываются «базовые» социальные права *людей* и права *государства*. Наоборот, предстоит взвесить «объем» нарушаемых «базовых» прав людей, граждан разных государств, в случае столкновения интересов *между* государствами, или объем нарушаемых «базовых» прав внутри государства, которые предполагается восстановить за счет, допустим, внешнего вмешательства (интервенции) с ожидаемой *ценой* этого восстановления в «базовых» социальных правах. С учетом того что интересы государства вполне могут быть направлены на то, чтобы поддержать «базовые» социальные права своих граждан и даже улучшить их качество жизни, формула справедливого *casus belli* должна содержать «поправочные коэффициенты», позволяющие конкретизировать «базовое» право на «адекватную жизнь» за счет апелляции к обоснованному для территории и исторических условий прожиточному минимуму.

³ Полагаю, обязанность перераспределения ресурсов (второй вызов современным обществам, по Р. Инглхарту) также вытекает из определенной, принятой за основу, деонтологии.

⁴ Пропорциональность, как правило, справедливой войны применяется к *jus ad bellum*: необходимо существенное нарушение «базовых» (не «дополнительных») прав, чтобы было морально оправданно прибегнуть к такой крайней мере, как война. И парадокс состоит в том, что во время войны (*jus in bello*) справедливость «тает», поскольку реализация военных действий неизбежно влечет за собой нарушение «базовых» прав. Подробнее о различии требований справедливости к *jus ad bellum* и *jus in bello* см. [2, 456–457].

Именно поэтому, мне кажется, Р. Инглхарт сразу же за проблемой войны упоминает проблему неравенства доходов *внутри* стран. Государство должно прежде всего за счет *своих ресурсов* гарантировать прожиточный минимум (мы оставляем пока в стороне вопрос о том, как и кем он определяется) всем гражданам. В этом смысле война за ресурсы с другим государством (обладающим большими, чем того требует простое «выживание», ресурсами) при острой нехватке своих собственных ресурсов действительно будет крайней мерой во внешней политике. Тот же М. Уолцер оправдывает войны за выживание, которые вели с Римской империей племена, вытесняемые на запад и требовавшие земель для поселения, — у них не оставалось никакого выбора [22, 27].

В этой связи я полагаю, что обоснование максимина как схемы распределения социальных ресурсов между индивидами у Д. Ролза вполне может быть экстраполировано во внешнюю политику, в которой разные «стартовые позиции» имеют уже сами государства, и тогда в относительно благополучном с точки зрения экономической эффективности современном мире вместо морального оправдания войны за ресурсы между странами мы получим моральные обязательства стран оказывать друг другу гуманитарную помощь [5]. Метафизические и методологические проблемы и вопросы, впрочем, останутся прежними: должна ли большая страна, которой «повезло» со стартовыми ресурсами (нефть, например), имеет ли моральное право претендовать на гуманитарную помощь других стран правительство, загубившее в результате собственной политики имевшиеся возможности развития, как дифференцировать обладание ресурсом и возможность его использования? В современном глобализирующемся мире ресурсов для выживания, надо полагать, все же больше, возможностей экономически поддержать ту или иную страну — тоже. Война в этой — не единственной — оптике действительно иррациональна (Р. Инглхарт).

Однако изложенная выше нормативная позиция относительно прав человека предполагает, что, если оставить за скобками крайнюю нужду в материальных ресурсах для физического выживания (экономический аргумент), сигналом к справедливой войне (допустим, в форме гуманитарной интервенции) остается *массовое* нарушение других «базовых» прав людей в каком-либо государстве и открытая борьба людей *со своим государством* за соблюдение этих прав. Геноцид, массовые расстрелы, резня и порабощение граждан и есть по сути единственный обоснованный повод для международного вмешательства, по Уолцеру [22, 87–91].

Здесь, мне кажется, открытым остается другой вопрос: свидетельствует ли отсутствие явного сопротивления со стороны граждан «государственной машине» о легитимности государства? В чем проявляется *согласие по принуждению*, а в чем — согласие по «убеждению»? Например, разработанное в рамках теории идеологии понятие гегемонии (А. Грамши, [15]) предполагает, что государство, применившее насилие по отношению к своим гражданам, как раз демонстрирует не силу, а слабость, поскольку ему не удалось обеспечить согласие за счет слаженной работы своих идеологических аппаратов (Л. Альтюссер [11]).

Мне кажется, позиция — и ответственность — интеллектуала состоит сегодня в том, чтобы выяснить, на чем держится солидарность в его обществе, как работает

механизм обоснования политических (политика как совместная жизнь, то есть общих, касающихся всех) решений, где проходит граница между идеологическим «вовлечением» и рациональным аргументом в общественной дискуссии, как строится, к чему «пристегивается» коллективная идентичность. Например, не так давно проведенные исследования показали, что в реалиях российского общества 2011 г. программы политических партий представляли собой отчетливо гибридные продукты. Они (программы) были построены на популистском синтезе ценностей, которые с точки зрения интеллектуальной истории и реальной практики ранее были характерны для совершенно разных идеологий, а потому не должны были бы рассматриваться в качестве цельных проектов. Это *отсутствие идеологии* как связной системы взглядов и ценностей на уровне фундаментального политического проектирования было замаскировано частотой употребления словосочетания «социальные гарантии» [6].

Вопрос, какая ценность сегодня легитимирует наш социальный порядок, заслуживает отдельного исследования. «Сегодня главная задача социальных наук состоит не столько в том, чтобы вырабатывать новые понятия, а скорее в том, чтобы описывать реальное положение дел и рефлексировать о сущности и значении того, что происходит. Ученым не следует стремиться быть просто “носителями истины”, скорее им следует действовать как наблюдателям, которые занимают метапозицию по отношению к происходящему. Такая позиция не предполагает полную независимость исследователя от контекста, не предполагает выведение за скобки его собственных интеллектуальных приоритетов; но это не означает также принятие постмодернистского взгляда, согласно которому каждый находится в застенках своего собственного субъективного мира» [21, 6].

Добавлю, что интеллектуал-ученый, на мой взгляд, не будет свободен не только от интеллектуальных (предмет исследования, научное любопытство), но и от ценностных (представления о лучшей общественной жизни, включая нейтральность как ценность) предпочтений, своей деятельностью поддерживая определенный образ желательного (или имеющегося) социального целого. И, в зависимости от того, к какому типу социальных систем [7, 10, 23] принадлежит конкретное общество, тотальное (от молчаливого до эксплицитного) согласие или, наоборот, наличие дискуссий и выраженной идеологической борьбы могут быть признаны на метауровне, с метапозиции, свидетельствами легитимности социального порядка [5].

Таким образом, мы представили общий контур современных дискуссий о справедливости войн, рассмотрели возможности и границы философской модели, построенной на ценности прав человека как альтернативе юридическому пониманию условий *jus ad bellum*. К возможностям, в рамках социально-онтологических, эпистемологических и антропологических допущений, фундирующих модель, следует отнести соответствие моральным интуициям на уровне «тонкой теории блага», соизмеримость аргументов «за» и «против» войны в случае разделяемой агентами нормативной оптики, общую установку на поиск универсального признака *casus belli*. Ограничения модели задают плюрализм интерпретации и реинтерпретации концепции «базовых» прав человека в конкретной культуре

или историческом периоде, логическую вероятность «сложных» случаев (например, равновесность одинаковых требований со стороны противоборствующих субъектов или столкновение разных «базовых» прав между собой), релятивизм конкретных методик подсчета объема «нарушенных прав» и возможную ангажированность агентов подсчета. В центре нашего внимания оказались контрактализм и проблема легитимности государства, шире — социального порядка, а также задача поиска критериев «отсутствия легитимности». Мы пришли к выводу, что в рамках представленной нормативной теории «базовых» прав человека критерий нелегитимности может быть сформулирован только в общем и отчасти редуцированном виде; об отсутствии легитимности напрямую свидетельствует наблюдаемое нарушение прав. Для ответа на вопрос «возможен ли нелегитимный порядок при соблюдении прав?» требуется рассмотреть конкретные процедуры легитимации в реальных обществах либо реконструировать эти процедуры за счет анализа отраженных в интеллектуальной истории конкретного исторического периода позиций. Мы предположили, что граница между идеологическим и рациональным обоснованием социального порядка будет контекстуальна, последующие исследования должны показать, существуют ли специфические типы таких обоснований.

1. *Апресян Р. Г.* Метанормативное содержание принципов справедливой войны // Полис. 2002. № 3. С. 385–403.

2. *Апресян Р. Г.* Справедливой войны принципы // Этика : энцикл. слов. М., 2001. С. 456–457.

3. *Кашников Б. Н.* Критика современного дискурса справедливой войны // Военно-юрид. журн. 2012. № 11. С. 22–29.

4. *Логинов А. В.* Максимин Д. Ролза: между эффективностью и равенством // Социально-философские очерки: казанско-екатеринбургский сборник : сб. науч. ст. / под ред. О. Д. Агапова. Казань, 2014. С. 85–95.

5. *Логинов А. В.* Модерность: проблема типизации обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. Спец. вып. : Цивилизационная динамика современных обществ / ред. В. Козловский и др. СПб., 2012. Т. 15, № 6 (65). С. 95–105.

6. *Логинов А. В., Данилова А. В., Руденкин Д. В.* Трансформация идеологических систем // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2013. № 1(112). С. 87–102.

7. *Меньшиков А. С.* Теория модерности и социальная интеграция // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2011. № 3(94). С. 39–52.

8. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / под. ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М., 2002.

9. Сайт ООН на русском языке. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 01.07.2017).

10. *Хомяков М. Б.* Модерность: путь к открытости будущего // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 58–85.

11. *Althusser L.* Ideology and Ideological State Apparatuses // Mapping Ideology. L., 1994.

12. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N. Y., 1974.

13. *Doppelt G.* Waltzer's Theory of Morality in International Relations // Philosophy and Public Affairs. 1978. Vol. 8, № 1.

14. *Dreveskracht R.* Just War and International Law: An Argument for a Deontological Approach to Humanitarian Law // Buffalo Human Rights Law Review. 2010. Vol. 16. P. 238.

15. *Gramsci A.* Selections from the Prison Notebooks. L., 1971.

16. *Inglehart R.* There is a crucial social need for competent social scientists // *Changing Societies and Personalities*. 2017. Vol. 1, № 1. P. 13.
17. *Luban D.* Just War and Human Rights // *Philosophy and Public Affairs*. 1980. Vol. 9, № 2. P. 162–163.
18. *Melzer Y.* Concepts of Just War. Leyden: A. W. Sijthoff, 1975. P. 28–29.
19. *Moore M.* A Political Theory of Territory. Oxford University Press, 2015.
20. *Orend B.* The Morality of War. Peterborough, 2006.
21. *Stepanova E.* “You cannot step into the same river twice” — what does it mean for us today? // *Changing Societies and Personalities*. 2017. Vol. 1, № 1. P. 6.
22. *Walzer M.* Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. Basic Books, 1977.
23. *Wagner P.* Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity, Cambridge, 2008.

Рукопись поступила в редакцию 07 июля 2017 г.

УДК 141.1 + 159.955 + 94(100)“1914/19” + 355.01

В. А. Сухарева

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ: СТАНОВЛЕНИЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ*

Статья посвящена рассмотрению феномена Первой мировой войны в контексте кризиса классического типа философствования и последующего за ним становления неклассической философии. Обоснование связи между кризисом классической философии и Первой мировой войной и определение сущностных особенностей Первой мировой войны представлено на материале рефлексии мыслителей французской философской традиции. Первая мировая война характеризуется как неклассический объект, что позволяет представить ее в качестве системообразующего элемента неклассической философии, а также дать подробное описание этапов становления неклассической философии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Первая мировая война, неклассическая философия, кризис классической философии, война как неклассический объект.

1. Введение

Период конца XIX – первой половины XX в. ознаменовался целым рядом кризисных событий и явлений сразу в нескольких сферах жизни общества. Разные авторы и исследователи характеризуют данный исторический период как период духовного кризиса, как кризис западной цивилизации, кризис европейского человечества, конец истории [7]. В это время происходит научная революция, в результате которой сменяется тип научной рациональности, классическая научная парадигма замещается неклассической, начинает складываться новая научная картина мира. События Первой мировой войны приводят к кардинальным трансформациям политической картины мира, а также провоцируют кризис

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).